

Louise Bryant

Six Red Months in Russia

An Observer's Account
of Russia Before and During
the Proletarian Dictatorship

George H. Doran Company, New York, 1918

Луиза Брайант

Полгода в красной России

Репортаж американской
журналистки из страны
большевиков

Перевод с английского
Дмитрия Иванова

Individuum, 2026

УДК 94(47+57)"1917/1918"

ББК 63.3(2)611

Б87

Брайант, Луиза.

Б87 Полгода в красной России. Репортаж американской журналистки из страны большевиков / Луиза Брайант; [науч. ред. К. Тарасов, пер. с англ. Д. Иванова] — М.: Individuum, 2026. — 272 с.

ISBN 978-5-04-227095-6

Американская журналистка и феминистка Луиза Брайант приезжает в Россию за два месяца до Октябрьской революции, когда старый порядок рухнул, а новый еще не установился. Ей удается невозможное: получить пропуск от всех враждующих сторон и оказаться по обе стороны баррикад. Брайант не пишет историю с безопасного расстояния — она мерзнет в очередях за хлебом, бродит по коридорам осажденного Зимнего дворца, становится свидетелем уличных столкновений и сама попадает под пули. Она видит, как вчерашние заключенные в одночасье становятся министрами, разговаривает с солдатами, рабочими и лидерами революции, фиксируя язык, страхи и надежды людей на кромке исторического разлома. «Полгода в красной России» — живой и пристрастный репортаж изнутри события, изменившего историю XX века, написанный в момент, когда реальность еще не успела превратиться в легенду.

УДК 94(47+57)"1917/1918"

ББК 63.3(2)611

© Louise Bryant, 1918

© Д. Иванов, перевод, 2026

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-227095-6

Individuum ®

Оглавление

Предисловие научного редактора	7
Предисловие	23
Глава 1. По дороге в Россию	27
Глава 2. От границы до Петрограда	33
Глава 3. Петроград	40
Глава 4. Смольный	48
Глава 5. Объяснение политических партий	54
Глава 6. Демократическое совещание	60
Глава 7. Предпарламент и Совет Российской республики	69
Глава 8. Падение Зимнего дворца	75
Глава 9. Учредительное собрание	82
Глава 10. Екатерина Брешно-Брешновская	94
Глава 11. Неренский	101
Глава 12. Два министра государственного призрения — Панина и Коллонтай	108
Глава 13. Ленин и Троцкий	119
Глава 14. Триумvirат	130
Глава 15. Мария Спиридонова	142
Глава 16. Из одной армии в другую	148
Глава 17. Красногвардейцы и казани	153
Глава 18. Красные похороны	159
Глава 19. Революционный трибунал	165
Глава 20. Народный комиссариат иностранных дел	170
Глава 21. Женщины-военнослужащие	178
Глава 22. Свобода слова	187
Глава 23. Уличные бои	192
Глава 24. Благородные люди	198
Глава 25. Немецкая пропаганда	203
Глава 26. Русские дети	210
Глава 27. Упадок церкви	216
Глава 28. Всякая всячина революции	221
Глава 29. Разговор с врагом	230
Глава 30. Поупunki в Германии	235
Глава 31. Приключения большевистского нурьера	241
Примечания переводчика и научного редактора	247

Предисловие научного редактора

Шесть красных месяцев
в судьбе Луизы Брайант

Имя американской журналистки Луизы Брайант (для тех, кто хотя бы раз его слышал) чаще всего вызывает ассоциации лишь с одной ее ролью. Она была супругой знаменитого журналиста Джона Рида, друга Советской России и автора знаменитых «Десяти дней, которые потрясли мир». На экране ее образ появлялся как минимум в трех экранизациях этой книги: в советском фильме «В дни Октября» (1958) с Галиной Водяницкой, в оscarоносной картине Уоррена Битти «Красные» (1981) с Дайан Китон и в фильме Сергея Бондарчука «Красные колокола» (1982), где ее сыграла Сидни Ром.

Парадокс в том, что на страницах «Десяти дней, которые потрясли мир» спутница и жена Джона Рида в революционной России упомянута всего дважды, и одно из этих упоминаний представляет собой лишь ссылку на ее книгу *Six Red Months in Russia*. При этом сама книга, в отличие от ставших хрестоматийными воспоминаний Рида, до 2025 года никогда не перево-

дилась на русский язык. В результате в массовом восприятии Брайант словно навсегда осталась в тени своего мужа.

При этом вся ее биография показывает, что жить в тени мужчины она не собиралась. Она стремилась к независимости и к тому, чтобы самостоятельно отвечать за свой выбор в личной жизни и карьере. Ее статьи, рассказы и стихи не нуждались в опоре на чье-то имя или авторитет, да и круг ее интересов был значительно шире революционной тематики. Брайант работала как репортер, очеркист и военный корреспондент, писала о правах женщин и международной политике, много путешествовала, ее политические взгляды тоже со временем эволюционировали.

Будущая журналистка и писательница, известная миру как Луиза Брайант, родилась под именем Анна-Луиза Моэн 5 декабря 1885 года в Сан-Франциско. Она была третьим ребенком в семье. После развода родителей, когда девочке было четыре года, мать вышла замуж за Шеридана Брайанта, и семья приняла его фамилию. Переехав в Неваду, Луиза училась в Уодсвортской средней школе, затем в Университетской школе Рино и Университете Невады, а выпускной диплом получила уже в Университете Орегона в 1909 году.

После учебы Брайант поселилась в Портленде и начала карьеру в газете *Spectator* — сначала как иллюстратор, затем как ведущая светской хроники. В том же 1909 году она вышла замуж за стоматолога и коллекционера искусства Пола Труллингера. В их доме вскоре стали бывать разные общественные деятели и активисты, среди которых были анархисты Эмма Гольдман и Александр Беркман. В 1912 году во многом под влиянием подруги, феминистки и поэтессы Сары Бард Филд, Брайант включилась в движение за избирательные права женщин в Орегоне, разъезжала по штату с лекциями и довольно быстро стала заметной фигурой.

Примерно в это же время Брайант впервые познакомилась со статьями Джона Рида. Его публикации в социалистическом журнале *The Masses* произвели на нее сильное впечатление.

Их встреча в 1914 или 1915 году стала поворотным моментом. В 1916 году она переехала к Риду в Нью-Йорк и в том же году оформила развод. Пара поселилась в Гринвич-Виллидж, легендарном районе художников, поэтов и политических радикалов. Здесь Брайант дебютировала в театре как драматург и начала публиковать статьи и стихи в *The Masses*. Летом 1916 года вышло ее сочувственное эссе о Пасхальном восстании в Ирландии под названием «Революция поэтов». Осенью того же года Брайант и Рид официально поженились.

Летом 1917 года Брайант получила свое первое зарубежное журналистское задание от информационного агентства *Bell Syndicate* — написать серию репортажей с европейского фронта. Она отправилась во Францию как военный корреспондент и провела там несколько недель, главным образом в Париже. Все это время журналистка пыталась получить разрешение французских властей на посещение Западного фронта, однако в итоге ей все же отказали из-за недостаточного журналистского стажа и того, что она была женщиной. Брайант писала Риду, что строгая цензура позволяет ей сообщить лишь самую общую информацию: «Здесь все изменилось, каждый аспект изменился за последние три месяца»¹.

И все же ее статья, где она описала свое путешествие через океан, вышла в *New York American* 8 июля 1917 года под заголовком «Женщина рассказывает о битве лайнера с подводной лодкой». После возвращения в США Брайант и Рид подготовили совместную статью «Новости из Франции», опубликованную в *The Masses* в октябре 1917 года и ставшую главным материалом номера.

В это время супруги уже находились в сердце революционной России. Джон Рид, хорошо известный своими радикальными взглядами, с трудом смог найти аккредитацию и средства на поездку. Луиза Брайант, напротив, получила разрешения почти без препятствий, в том числе аккредитации от *Metropolitan*, *Seven Arts* и *Every Week*. Она продолжила сотрудничество и с *Bell Syndicate*, охотно отправившим корре-

спондентку для подготовки материалов с «женским взглядом на революцию»².

Американцы прибыли в Петроград за два месяца до Октября. Прошло уже полгода после падения монархии, и в стране стремительно нарастала поляризация между левыми и правыми силами. Политическая ситуация менялась почти ежедневно, напряжение росло, а власть Временного правительства становилась все более шаткой. В июле 1917 года леворадикальные силы предприняли попытку свергнуть правительство. Ответственность за беспорядки в Петрограде была возложена на большевиков, многие из них оказались в заключении, другие перешли на нелегальное положение. Уже по дороге в Россию Брайант и Рид стали получать тревожные сообщения о выступлении генерала Корнилова и его попытке установить военную диктатуру. Журналисты оказались в самой гуще событий, которые могли в любой момент перерасти в решающую развязку.

За четыре месяца, проведенных в России — а не шесть, как сказано в названии ее будущей книги, — Луиза Брайант смогла взять интервью у ведущих фигур эпохи: Александра Керенского, Льва Троцкого, Александры Коллонтай, Екатерины Брешко-Брешковской, Марии Спиридоновой. Кроме того, она неоднократно рисковала жизнью, чтобы оказаться в самом центре событий и понять точку зрения как простых людей, так и лидеров. «Большевики овладели Петроградом, и Джек [Джон Рид] и я были частью всего этого», — позже с гордостью написала Луиза в неопубликованных мемуарах³.

Все увиденное и услышанное Брайант позже легло в основу ее книги, но она писала не только по памяти. Во время пребывания в России журналистка вела своеобразный дневник: делала полевые заметки, фиксировала имена, фрагменты разговоров, цитаты из речей и детали происходящего. Эти записи оставались неизвестны исследователям вплоть до 2004 года, когда дочь Брайант передала их в архив. Всего сохранилось три блокнота, исписанных карандашом, которые охватывали

весь период ее пребывания в России в 1917–1918 годах. Именно из этих записок позднее и сложилась книга «Полгода в красной России».

Может показаться удивительным, но при всей подробности этих записей ни Брайант, ни Рид поначалу совсем не владели русским языком. Однако языковой барьер не оказался серьезной преградой. Они разучивали разговорные выражения, а иногда объяснялись жестами. Многие из их русскоязычных собеседников говорили по-английски, по-французски или по-немецки. Кроме того, журналисты могли рассчитывать на помощь политиков Владимира «Билла» Шатова, Александра «Алекса» Гомберга, Бориса Рейнштейна и других, которые до революции провели много лет в США. Тем не менее Брайант чувствовала себя не вполне уверенно. Она даже записала в блокноте: «Идея для пьесы — персонаж, который не говорит на языке и все время ищет в словаре то, что хочет сказать»⁴.

Из записок видно, что некоторые первые впечатления Брайант позднее в книге звучали иначе. Приехав в Россию, она относилась с заметной симпатией к ряду противников большевиков. О Керенском она записала: «Керенский умеет вдохновлять. Если бы у него была жизненная воля Т[еодора] Р[узвельта], он мог бы повести за собою Россию»⁵. В другом месте о нем же и старой революционерке Екатерине Брешко-Брешковской, с которой Брайант была хорошо знакома: «Есть что-то бесконечно печальное в судьбе, которая увела Баб[ушку] и Керен[ского] из жилища народа в обитель князей»⁶.

С долей сочувствия она пишет даже о правом политике Владимире Пуришкевиче и министре иностранных дел Временного правительства Михаиле Терещенко, которые вскоре должны были предстать перед новой властью: «Никто не может предположить, как революционный трибунал поступит с этими несчастливými политиками»⁷. В этих словах слышится, конечно, не поддержка их взглядов, но человеческое сострадание.

И напротив, в блокнотах встречаются резкие высказывания о большевистских лидерах, которые не вошли в кни-

гу. Во время речи в Смольном Ленин произвел на Брайант неприятное впечатление: «Он лысый, маленький и бледный, с ирландским лицом, красным носом, маленькими усами, черными бровями, скорее похож на маленького ирландского районного политика или бармена [bartender]»⁸.

Еще более резкой по тону выглядит запись о Троцком, датированная 16 декабря 1917 года: «Прошлой ночью Троцкий произнес свою „гильотинную речь“. Сказал, что в ней [гильотине] может возникнуть необходимость, и аудитория кричала: „Это необходимость!“ Впервые столь осознанный призыв к террору был встречен одобрением. Везде чувствуется, что [атмосфера] становится напряженнее, но иначе, чем когда-либо прежде»⁹. Дневниковая запись показывает совсем иной, чем в книге, эмоциональный отклик на выступление Троцкого. Мы видим здесь тревогу от того, насколько легко аудитория приняла его призыв.

Отдельные фрагменты дневников Брайант представляют собой подробные зарисовки с мест событий; некоторые из них вошли в книгу почти без изменений. Например, описание перестрелки на Исаакиевской площади, в которую она попала о время юнкерского выступления, или «красные похороны» в Москве, где журналистка детально передала эмоциональное состояние траурного шествия.

Особый интерес представляют интервью, которые Брайант записывала почти дословно. Блокноты содержат обширные заметки о встрече с Марией Спиридоновой. Можно даже сказать, что это черновик будущей статьи, которая позже вошла в книгу. Еще один значимый эпизод, почти целиком вошедший в книгу, — разговоры с женщинами из Петроградского женского батальона смерти. Доля совпадений с опубликованным текстом показывает, что книга во многом основана на непосредственных впечатлениях и первичной фиксации событий.

На страницах этих блокнотов Брайант уже размышляет о будущей книге или по крайней мере серии статей. В ее на-

бросках встречаются возможные темы: заговор большевиков, первые месяцы большевистской диктатуры, женский вопрос. Именно последняя тема явно занимала активистку борьбы за права женщин больше других. По книге хорошо видно, что Брайант внимательно наблюдает за тем, как меняется положение женщин в революционной России. Эта тема для нее — не периферийный сюжет. Она пыталась понять, как революция отражается на жизни женщин разных социальных слоев.

Судя по дневнику, именно так Брайант видела свою будущую книгу. «Необходимо получить „Женскую историю“, — пишет она, помня свое журналистское задание. В другом месте журналистка уточняет замысел: «„Женская история“ должна называться „Равенства“ [Equalities], представляя все стороны без [собственного] мнения»¹⁰. В блокнотах сохранился даже набросок структуры будущей книги. Рабочим названием было «Женщины революции», и на тот момент она задумывалась как серия портретов: Екатерина Брешко-Брешковская, Мария Спиридонова, Александра Коллонтай, Софья Панина, Ольга Каменева, Вера Фигнер, Анна Вырубова, Анастасия Биценко и другие¹¹. Судя по списку, Брайант стремилась представить всю политическую палитру России через женские судьбы. В полной мере этот проект не был реализован, но его концепция частично воплотилась в этой книге, где интервью с женщинами становятся важными смысловыми опорами.

Брайант покинула Петроград в начале февраля 1918 года. Джон Рид остался в России и, казалось, вовсе не собирался возвращаться. Он работал в Бюро международной революционной пропаганды, где, в частности, помогал переводить на английский язык первые декреты советской власти. Кроме того, Рид участвовал в подготовке материалов для немецкоязычных изданий *Die Fackel* и *Die Russisch Revolution in Bildern* («Русская революция в картинках»), предназначенных для распространения среди немецких солдат.

А Брайант, вернувшись в США, немедленно начала писать о России. Уже с апреля 1918 года в *Philadelphia Public Ledger* вы-

ходит серия из тридцати двух ее статей, которые затем перепечатываются более чем сотней газет по всей территории США и Канады. Почти мгновенно Брайант становится звездным репортером и одним из американских экспертов по Советской России. Собранные вместе, эти тридцать два очерка были опубликованы в октябре 1918 года в виде книги под названием *Six Red Months in Russia*.

Почти одновременно выходит книга «Красное сердце России» корреспондентки *San Francisco Bulletin* Элизабет «Бесси» Битти, с которой Рид и Брайант близко общались в Петрограде; она вернулась в США на одном корабле с Луизой. Хотя Битти и Брайант пережили многие события вместе, например наблюдали падение Зимнего дворца, их книги очень сильно различаются. Бесси Битти прежде всего рассказывает о том, что происходит с ней самой: ее книга построена вокруг опыта журналистки в Петрограде, наблюдающей революцию и жизнь американской колонии в городе. Ее интерес сосредоточен на событиях, которые она видела вокруг себя.

Луиза Брайант, как видно из подзаголовка книги (*an Observers Account of Russia*), позиционирует себя как наблюдатель. Она стремится понять не только ход событий, но и людей, которые в них участвуют. Ее текст тяготеет к интервью, демонстрации личностей, характеров и голосов. Она разговаривает с героями и героинями революции, слушает их истории, пытается сблизиться с ними, добиться эмоционального отклика. Если Битти описывает революцию как политический процесс, то Брайант фиксирует ее как человеческий опыт, в котором частные судьбы становятся не менее важными, чем события на улицах и в правительственных кабинетах.

Книга Джона Рида, все-таки вернувшегося в США в апреле 1918 года, была опубликована только в марте 1919 года. «Десять дней, которые потрясли мир» еще больше отличались от воспоминаний его коллег. В предисловии он сам назвал свою книгу «сгустком истории»¹². Рид старательно собирал документы эпохи, которые привел в книге. Он стремился на-

писать по-настоящему эпическую историю, не скрывая симпатий к большевикам. Это романтическое произведение до сих пор читается как яркий документ эпохи. Луиза же больше стремилась передать фактуру повседневной русской жизни в дни революции. В ее книге можно найти живые, часто полные юмора бытовые зарисовки и кровавые эпизоды. И в этом смысле она и сегодня представляет большой интерес.

И тогда, осенью 1918 года, книга *Six Red Months in Russia* имела большой успех. Даже те рецензенты, которые считали взгляд Брайант чрезмерно благожелательным к большевикам, признавали ее талант наблюдателя, прямоту повествования и умение работать с деталями¹³. А читатели, симпатизировавшие Советской России, были в полном восторге. Активистка рабочего и женского движения Анна Луиза Стронг писала Брайант сразу после выхода книги: «Вы умеете передавать идеализм и заставлять его сиять, не превращая его в нечто запредельно недостижимое или в явление из духовного мира, как это делает [Линкольн] Стеффенс. Вы показываете человеческий фон — то, что происходит с обычными людьми на улицах... Ваша убедительная картина — именно то, что сейчас нужнее всего»¹⁴.

В начале 1918 года, когда Брайант вернулась в США, общественная атмосфера уже была насыщена подозрением и враждебностью к левым. В ответ на развернувшуюся кампанию против «большевистской угрозы» Анна Луиза Стронг организовала для Брайант масштабное лекционное турне под названием «Правда о России». Луиза открыто выступала в поддержку Советской России, участвовала в протестах Национальной женской партии в феврале 1919 года, была арестована, а после освобождения дала показания перед Судебным комитетом Сената, который расследовал угрозу, якобы исходящую со стороны российских большевиков и их сторонников. Это был период работы печально известной комиссии сенатора Ли Овермана, когда в публичное обращение вводились сомнительные и откровенно поддельные «доказательства» —

например, «документы Сиссона» или так называемый декрет об обобществлении женщин.

Давая показания комиссии, Луиза Брайант отрицала утверждение, будто советская власть в России представляет собой лишь хаос. Она говорила, что не считает советскую систему абсолютной диктатурой, как это пытались представить допрашивающие, а понимает ее как диктатуру большинства над меньшинством, характерную для переходного периода¹⁵. При этом Брайант решительно отказывалась давать личную политическую оценку происходящему. Она подчеркивала, что никогда не стремилась поддерживать большевиков, но выступала за право России на самоопределение¹⁶.

Луиза Брайант и Джон Рид продолжали свою активистскую и журналистскую деятельность в США. Но уже в октябре 1919 года Рид вернулся в Советскую Россию, собирая материалы для новой книги. Брайант смогла приехать в Москву, чтобы встретиться с мужем, только в августе 1920 года как корреспондент *International News Service*. Однако всего через несколько недель после воссоединения Джон Рид скончался от тифа. Его прах был с почестями захоронен в Кремлевской стене.

Потеря мужа стала для Луизы Брайант серьезной утратой. Она полностью погрузилась в работу и вскоре отправилась в длинное путешествие по степям Киргизии, Туркестану и Бухаре вплоть до границ Персии и Афганистана. Она собирала материалы для медиагруппы *Hearst* о жизни и политической ситуации в регионе. После двух месяцев поездки Луиза вернулась в Москву считая себя почти экспертом по восточному вопросу.

Вернувшись в США в середине 1921 года, Брайант взялась за работу над своей второй книгой «Зеркала Москвы». Она построена как серия портретов советских политических деятелей. В ней представлены не только такие известные фигуры, как Ленин, Троцкий, Коллонтай, Луначарский, но и тогда менее заметные для зарубежной аудитории Литвинов, Калинин,

Петерс. Отдельные очерки посвящены бывшему лидеру Османской империи Энвер-паше и патриарху Тихону.

В последующие годы Брайант зарекомендовала себя как успешный международный репортер. В 1923 году она одной из первых получила интервью у Бенито Муссолини, только что пришедшего к власти в Италии, а затем подготовила материалы о его политическом противнике Габриэле Д'Аннунцио. Позднее агентство *International News Service* направило ее в Константинополь, где она освещала становление новой Турции и встретила с Мустафой Кемалем. В те же годы Брайант взяла редкое интервью у свергнутого греческого короля Константина, а затем у его сына Георга II. Ее последняя известная публикация «Турецкий развод», вышедшая в августе 1925 года, была посвящена женскому движению в Турецкой республике.

Из интервью, которое Луиза Брайант дала *New York American* 11 сентября 1926 года, видно, что в этот период она уже не испытывала особой симпатии к наследникам Ленина, хоть и сохраняла левые взгляды. Она говорила: «Если посмотреть на карту, станет ясно: итогом войны, похоже, стала диктатура, а не та демократия, за которую кровью и деньгами была заплачена такая огромная цена. На юге Испания, Италия, Турция с диктаторами. На востоке, в направлении России, высшего примера диктатуры, находятся Венгрия и Польша. А на севере — Бельгия, где королю даны диктаторские полномочия... Я ожидаю, что Россия станет одной из самых консервативных стран мира, и, по-моему, все признаки указывают именно на это...»¹⁷

К этому времени Брайант уже жила в Париже вместе с писателем и будущим дипломатом Уильямом Буллитом. В 1924 году они поженились, и у них родилась дочь. Постепенно Луиза перестала заниматься репортажами и все больше сосредотачивалась на различных литературных проектах, которые никогда не были закончены. Богемный и роскошный образ жизни рядом с состоятельным Буллитом прежде радикальное окружение журналистки восприняло как предательство ее

идеалов молодости. Реакция Эммы Гольдман на смерть Брайант в частном письме Александру Беркману была особенно язвительной: «Конечно, Линкольн Стеффенс был прав, когда сказал о Луизе, что она никогда не была коммунисткой — она просто спала с коммунистом»¹⁸.

Однако и в новом кругу Брайант оказалась чужой. Радикальная журналистка выбивалась из окружения Буллита, состоящего из выпускников престижных университетов и представителей высшего среднего класса. В результате она утратила прежние связи, но так и не вошла в новый круг.

К 1926 году у Брайант обнаружилось редкое и мучительное заболевание — болезнь Деркума — и она постоянно уезжала на лечение в санаторий Баден-Бадена. Болезнь сопровождалась приступами боли, раздражительностью, депрессией и эпизодами психического помрачения, что усугублялось злоупотреблением алкоголя, который она, вероятно, использовала для уменьшения страданий. В 1930 году Буллит добился развода и получил единоличную опеку над дочерью, ссылаясь на алкоголизм Брайант и ее связь с писательницей Гвен Ле Галльен.

После развода наступил период нищеты. Живя в Париже, Брайант все же продолжала работать, прежде всего над сохранением обширного архива Джона Рида, сотрудничая с исследователями из Гарварда. 6 января 1936 года журналистка умерла от кровоизлияния в мозг.

Еще при жизни имя Луизы Брайант оказалось почти забыто. Лишь значительно позже исследователи вновь обратились к ее письмам и статьям и начали пересматривать роль Брайант как репортера, писательницы и свидетельницы революции. Несмотря на исторический антураж, книга *Six Red Months in Russia* удивительно современна по интонации и приемам. По сути, Брайант создает репортаж присутствия, когда автор не наблюдает с безопасной дистанции, а становится частью происходящего и фиксирует события изнутри. Внимание к голодам людей, сценичность, работа с деталями, соединение

политического и повседневного сближают книгу со стилем современной документалистики.

Не менее очевидно и феминистское измерение текста. Брайант пишет историю борьбы женщин за свои права, последовательно давая слово женщинам разных взглядов и социальных положений и вплетая их опыт в политическое повествование. Революция, которую принято изображать через мужские фигуры, у нее оказывается населена женщинами, и их присутствие не исключение, а норма.

Публикация русского перевода возвращает книге Брайант то место, которого у нее не было в русскоязычном культурном пространстве больше столетия. За сто лет образ революции многократно менялся, но человеческое измерение событий, которое она видела так остро, остается актуальным и сегодня. Этот текст дает возможность услышать живые голоса, почувствовать дыхание времени и взглянуть на революцию глазами человека, еще не знавшего ее исхода.

Константин Тарасов, кандидат исторических наук

Луиза Брайант, 1918 год